

ПРАВО

Дмитрий Александрович КИРИЛЛОВ¹

Екатерина Григорьевна СЕЧЕНОВА²

УДК 342.7

О РАССОГЛАСОВАННОСТИ В РЕГУЛИРОВАНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ КОНСТИТУЦИЕЙ РОССИИ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ*

¹ кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Тюменский государственный университет
kdakda@yandex.ru

² кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии и перевода,
Тюменский государственный университет
e.g.sechenova@utmn.ru

Аннотация

Вопросам рассогласованности в регулировании религиозной толерантности положениями Конституции России и национального законодательства о свободе совести до настоящего времени наукой внимания не уделялось, чем обусловлена научная новизна

* При подготовке исследования религиозным консультантом по вопросам канонического и старообрядческого православия выступил отец Михаил Тимофеевич Курочкин (1952-2015).

Цитирование: Кириллов Д. А. О рассогласованности в регулировании религиозной толерантности Конституцией России и национальным законодательством о свободе совести / Д. А. Кириллов, Е. Г. Сеченова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 1. С. 74-91.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-1-74-91

исследования. Проблема состоит в том, что законодательная характеристика религиозного пространства, включающая взаимное понимание, терпимость и уважение в вопросах свободы вероисповедания, противоречит Конституционному запрету на пропаганду религиозного превосходства, а также порождает ряд нежелательных явлений в религиозной сфере.

Авторское исследование проводится с 2013 г. и затрагивает широкий круг социально-правовых вопросов религиозного пространства. Методика исследования типична для диалектической методологии, дополненной элементами критического рационализма, современных версий неопозитивизма, экзистенциализма и иных методологических подходов. В ходе исследования авторами, в частности, проведены условно репрезентативные, но достаточные для формулирования обоснованных выводов по тематике статьи опросы около девяти сот лиц в двенадцати регионах России и в пяти зарубежных странах. Среди них — более пятидесяти священнослужителей, около семисот лиц, назвавшихся представителями различных религий, конфессий и сект, более двухсот религиозных агностиков и атеистов.

Цель относимого к статье аспекта исследования — обоснование необходимости и формулирование текста для внесения изменений в законодательство о свободе совести. Актуальность названный аспект имеет в связи с накоплением в обществе идей отказа от толерантности, религиозного изоляционизма, противоречий между мировыми центрами ряда религий и конфессий.

В статье раскрывается механизм латентной законодательной детерминации отказа от религиозной толерантности, указывается на ущербность фактического ее сведения к терпимости, на отсутствие религиозной толерантности в России. Авторами дается характеристика трех подходов к внесению изменений в законодательство — «технического», «концептуального» и «компромиссного», обосновывается выбор одной из трех предлагаемых редакций проблемного фрагмента законодательства о свободе совести.

Ключевые слова

Конституция России, законодательство о свободе совести, пропаганда религиозного превосходства, религиозная толерантность, межрелигиозные отношения, иноверующие, религиозное пространство, изменения в преамбулу закона.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-1-74-91

Введение

Целью работы является обоснование необходимости внесения изменений в законодательство о свободе совести в связи с тем, что законодательная трансляция в религиозное пространство идеи о содействии со стороны государства построению в обществе межрелигиозных отношений на началах терпимости противоречит установленному Конституцией России запрету на пропаганду религиозного превосходства. Актуальность работы детерминирована тенденцией к увеличению количества случаев выражения идей отказа от толерантности в вопросах веры, примитивизации религиозной толерантности до уровня веротерпимости.

Основная часть

Говоря в самых общих чертах о религиозной социальной подсистеме как элементе социума в целом, необходимо отметить следующее. Являясь неотъемлемой стороной жизни любого общества, религиозное пространство характеризуется большим многообразием мироотношенческих подходов (религий, конфессий, верований и т. п.), которые вместе с тем едины в признании наличия сверхъестественной субстанции (например, монотеистической, одного или нескольких из элементов политеистической и т. п.), являющейся первоосновой всего сущего. Однако, несмотря на такое единство, каждый из подобных подходов имеет собственную, отличную от других систему основополагающих догматов верования, именуемую символом веры. Религиозное многообразие в сочетании с верой в сверхъестественное, а также «монополия на истину, которая у каждой религии своя» [5, с. 92], объективно определяют сформированность у условно медианного члена каждой общности верующих представления о религиозной адекватности относимого именно к его религиозному подходу символа веры и, соответственно, о неадекватности всех иных символов веры, равно как и о религиозной ущербности последователей других религиозных подходов, а также агностиков и атеистов — по причине отсутствия у последних религиозности. Ниже по тексту, если не будет оговорки, под иноверующими по отношению к верующему будут пониматься адепты иных символов веры, а также агностики и атеисты.

Важно заметить, что признание верующими адекватности только «своего» символа веры и, соответственно, неадекватности иных религиозных подходов является, во всяком случае, имманентно присущим религиозной сфере свойством. Потому полагаем корректным тезис о том, что в среде верующих признание адекватности только собственного символа веры, как и неадекватности всех иных, детерминировано объективно, самой природой религиозности. Это своего рода данность.

В свою очередь, представления о религиозной адекватности и, соответственно, неадекватности собственного и иных символов веры, по большому счету, могли бы быть личным делом верующего, если бы не имели поведенческих проявлений по отношению к иноверующим. Диапазон вариантов соответствующего поведения может быть весьма широким. У одной из его границ находятся запредельные проявления «экзорелигиозной» агрессии, к числу которых относимы, к примеру, и религиозные войны, и опасные для жизни людей экстремистские действия, и другие подобные деяния. Так, в XVI-XVIII вв. в Европе более трех четвертей всех насильственно лишенных жизни погибли на религиозных войнах и в связи с ними [1, с. 96-97]. У противоположной границы диапазона поведенческой реализации религиозных представлений верующего можно расположить не просто полное отсутствие какой-либо агрессии к иноверующим, но и субъективную недопустимость такой агрессии.

Следует, в свою очередь, заметить, что недопустимость проявления верующими людьми агрессии по отношению к иноверующим может базироваться на

различных мотивах — страхе перед последствиями, согласии с компромиссом, состоянии правовой, в том числе, крайней необходимости, понимании примата ценности человека перед любыми другими производными от последней смыслообразованиями и т. п. Наиболее, на наш взгляд, конструктивной из мотивационных предпосылок недопустимости агрессии к иноверию является религиозная толерантность.

Для целей настоящей статьи нам следует определиться с понятием религиозной толерантности в объективном и субъективном смыслах.

В качестве базового для рассуждений, корректным представляется подход, содержащийся в Декларации принципов толерантности от 16 ноября 1995 г. (далее — Декларация), согласно пункту 1.1 которой, «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самоуважения и проявления человеческой индивидуальности» [3]. Поэтому не соглашаемся, к примеру, с И. А. Стерниным, который под религиозной толерантностью предлагает понимать «терпимость к людям иной веры, уважение к чужим религиозным убеждениям» [13], хотя и считаем верным поддерживаемый им тезис о содержательной различности понятий «толерантность» и «терпимость».

Прежде всего, специально подчеркнем, что полагаем некорректным включение в конструкцию толерантности термина «терпимость» в каком бы то ни было виде. Терпимость — с точки зрения содержания данного понятия — подразумевает присутствие в личности «претерпевающего субъекта» некоего элемента несвободы, своего рода психологического самонасилия, субъектного «самозаставления», дискомфорта и, в конце концов, латентной враждебности по отношению к анализируемому объекту. Охарактеризованные психологические феномены при определенных условиях могут, в частности, трансформироваться в агрессивное поведение. В этом смысле такие психологические состояния, как терпимость субъекта по отношению к актуальному объекту и одновременное уважение к данному же объекту, представляются несочетаемыми даже чисто логически. Поэтому включение терпимости в толерантность в качестве одного из элементов последней не представляется правильным.

Учитывая сказанное, религиозную толерантность в субъективном смысле представляется возможным определить как устойчивую мироотношенческую характеристику верующего лица, в основу которой полагается уважение к чужим религиозным убеждениям и их носителям, а также принятие и правильное понимание многообразия религиозных подходов. Соответственно, в объективном смысле религиозную толерантность можно определить как системное свойство цивилизованного религиозного пространства (или сегмента такого пространства), состоящее в его способности ориентировать всех верующих на уважение чужих религиозных убеждений и их носителей, а также на принятие и правильное понимание ими многообразия религиозных подходов.

При этом следует учитывать, что гораздо более значимым, чем в общем случае, источником формирования мировоззрения именно верующего лица

является система норм и правил его «микросреды» или «референтной группы», каковыми для верующего лица выступает его религиозная общность. Данное обстоятельство, очевидно, предопределено более высоким уровнем авторитета для верующего такой общности по сравнению с авторитетом «обычной» микросреды для «обычного» человека. Этой особенностью, по нашему мнению, и предопределен повышенный уровень производности субъективной религиозной толерантности от объективной.

Принято говорить о двух видах (или уровнях) религиозной толерантности. На низшем (негативном) уровне «религиозная толерантность предполагает безразличие к религиозно-конфессиональным взглядам и системе ценностей других, в результате чего обеспечивается отсутствие вражды и столкновений на религиозной почве» [11]. Следует заметить, что даже данный низший уровень толерантности гораздо конструктивнее терпимости, поскольку исключает любое психологическое напряжение по отношению к иноверию и его последователям. Высший же (позитивный) уровень религиозной толерантности характеризуется знанием, пониманием и уважением иноверующих, а также их религиозных убеждений [11]. На этом уровне уже, безусловно, не может быть ничего общего с терпимостью, поскольку знание, понимание и уважение с терпимостью не сочетаемы абсолютно. В самом общем виде переход носителя религиозной толерантности с негативного уровня на позитивный производится путем субъективной трансформации безразличного отношения к чужим религиозным убеждениям в их уважение.

Анализ содержания и смысла ст. 2 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция) позволяет утверждать, что одним из проявлений регулятивной функциональности соответствующего законоположения является трансляция в общество значимости для России общесоциальной и гуманитарной толерантности. В силу сказанного, нет оснований предполагать ничего иного кроме того, что соответствующая норма в части транслирования толерантности имеет своим адресатом и национальное религиозное пространство. Значимость толерантности для религиозной сферы, вследствие чего, по меньшей мере подразумевается.

Между тем ряд принципиальных моментов выделяется и в положениях Конституции, специально посвященных религиозной стороне жизни общества. Ключевыми из них, как это следует из ст. 13, 14, 19, 28, 29 Конституции РФ, в частности, являются гарантии прав и свобод человека в целом независимо от его отношения к религии, гарантии прав на исповедание любой религии и на распространение религиозных убеждений, а также запреты на разжигание религиозной розни, возбуждение религиозной ненависти, пропаганду религиозного превосходства, огосударствление или установление обязательности какой бы то ни было религии и ограничение прав по религиозному признаку [6].

Как видно, являя частный случай общедозволительного типа правового регулирования, «конституционный интерес» к религиозной сфере содержит шесть явно выраженных запретов. Столь пристальное внимание к религиозно-

му пространству со стороны Конституции позволило нам сформулировать два взаимосвязанных тезиса. Так, навряд ли имеется хоть один из относительно самостоятельных социальных сегментов (образование, здравоохранение и т. п., в том числе привлечение к уголовной ответственности и исполнение уголовного наказания), который регулировался бы собственно Конституцией столь же тщательно, сколь религиозный. Кроме того, установление обозначенных запретов именно в Конституции, а не в каком-либо специальном законе, указывает на особую значимость недопустимости их нарушения.

Охарактеризованное положение вещей, по нашему мнению, во многом объясняется объективной предопределенностью признания верующими адекватности только «своего» символа веры и, соответственно, неадекватности иных религиозных подходов, а также агностицизма и атеизма. Именно поэтому Конституция ориентирует участников отношений на недопустимость не только любого ущемления общих прав и прав по религиозным основаниям, но и совершения действий, которые могли бы создавать даже малейшие предпосылки для таких нарушений.

При подобном сочетании исходных посылок представляется правильным, чтобы в порядке реализации названных выше положений Конституции значимым объектом целеполагания в социально-государственном масштабе стало последовательное формирование толерантного религиозного пространства, которое ориентировало бы всех верующих на уважение чужих религиозных убеждений и их носителей, а также на принятие и правильное понимание верующими людьми многообразия религиозных подходов. При этом значимым сопутствующим результатом подобного целеполагания стало бы существенное снижение числа случаев проявления верующими своей религиозно-мотивированной агрессии в отношении иноверующих.

Следует заметить, что в сегодняшней правовой действительности России имеется немало препятствий для формирования толерантного религиозного пространства. И первым таким препятствием, насколько странным бы это ни казалось, является текст преамбулы Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (далее — ФЗ «О свободе совести»), в которой, в частности, указывается, что российский законодатель считает «важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания» [14].

При сравнении приведенного фрагмента преамбулы ФЗ «О свободе совести» с понятиями толерантности, содержащимися в «Декларации», а также религиозной толерантности, приведенными выше, можно заметить как их сходство, так и различия. Сходство формулировок состоит в том, что и определения толерантности, и фрагмент преамбулы включают такие термины, как «понимание» и «уважение» всеми верующими чужих религиозных убеждений и их последователей. Более того, в преамбуле говорится о взаимном понимании и уважении. Из использования данных терминов (понимание и уважение) следует, что ФЗ «О свободе совести» ориентирует общество в целом и верующих в частности

на необходимость построения толерантного религиозного пространства. Различие же формулировок состоит в том, что в преамбуле ФЗ «О свободе совести» в состав «религиозной толерантности» включена и терпимость. Такая, говоря условно, «ущербная религиозная толерантность», по сути, затрудняет законодательное ориентирование общества на необходимость построения толерантного религиозного пространства.

Для частичного подтверждения данного тезиса обратимся к другому фрагменту преамбулы ФЗ «О свободе совести», где указывается на особую роль православия в истории России [14]. Данное обстоятельство предопределяет, по нашему мнению, и основное бремя «канонического» православия, опосредованного в России, по большей части, поместной православной церковью «Русская православная церковь — Московский Патриархат» (РПЦ МП) [9], в деле формирования толерантного религиозного пространства в стране. Потому отношение РПЦ МП к религиозной толерантности представляет отдельный интерес.

В официальных источниках подхода РПЦ МП к пониманию религиозной толерантности обнаружить не удалось. Имеются лишь факты явно отрицательного отношения к общему понятию «толерантность». Так, например, на сайте одного из многочисленных приходов данной поместной церкви в статье об анализе соотношения толерантности и терпимости, в частности, говорится: «...Внедрение в общество понятия толерантности вместо терпимости, преследуют цель формирования в обществе безбожного сознания и либерального индивидуализма» [13].

Отрицательный фон отношения к толерантности является в современных источниках РПЦ МП доминирующим. И хотя данное обстоятельство само по себе логически прямо не означает аналогичного же отношения и к религиозной толерантности, значительная часть православной среды распространяет негативное отношение РПЦ МП к толерантности и приятие терпимости, соответственно, на религиозные толерантность и терпимость.

Так, 48 из 80 опрошенных посетителей приходов РПЦ МП о негативном отношении РПЦ МП к толерантности осведомлены не были. Однако из 32 лиц, осведомленных о таком отношении, 27 последователей «канонического» православия (то есть более 80 процентов) не считают допустимыми ни позитивное понимание иноверия, ни уважение к нему, ограничиваясь лишь терпимостью. Между тем для перерастания терпимости в религиозно мотивированную агрессию по отношению к иноверующему нужен гораздо менее значительный повод, чем для агрессивного религиозного поведения религиозно толерантного лица. Также следует заметить, что из тридцати четырех опрошенных нами «канонических» православных священников семеро отождествили религиозную толерантность с религиозной терпимостью, а двадцать пять высказались против религиозной толерантности в пользу религиозной терпимости. Из них почти треть (11 человек), со ссылкой на различные ресурсы РПЦ МП, оговорили тот факт, что в «специальном законе» говорится именно о терпимости в вопросах веры, тогда как о толерантности в законе не говорится вообще [10].

Здесь налицо предпосылки к тому, чтобы сделать несколько выводов. Во-первых, включение положения о терпимости в вопросах веры в текст ФЗ «О свободе совести» позволяет организациям РПЦ МП противопоставлять терпимость толерантности и обнародовать негативное отношение к толерантности. Во-вторых, данное законоположение, очевидно, сыграло весомую роль в формировании приоритета религиозной терпимости (веротерпимости) над религиозной толерантностью в понимании представителей низшего звена православных священников. В-третьих, организации РПЦ МП, по меньшей мере, объективно транслируют своим последователям отказ от религиозной толерантности и следование правилам религиозной терпимости, вследствие чего значительная часть верующих экстраполируют негативную оценку толерантности в целом на толерантность религиозную. В-четвертых, свое негативное отношение к толерантности «канонические» православные организации транслируют и в адрес представителей других религиозных общностей, что в контексте «особой роли православия в истории России» [14] может, на наш взгляд, индуцировать аналогичную реакцию, в том числе и протестного свойства, со стороны других религиозных общностей.

В связи с этим, налицо целесообразность скорейшего обнародования РПЦ МП своего отношения именно к религиозной толерантности, которое следует, по меньшей мере, согласовать с текстом закона «О свободе совести», указывающего не только терпимость в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, но и взаимное понимание и уважение в названных вопросах [14]. В противном случае внешне ситуация сегодня выглядит так, что из «триады» даже того ущербного варианта религиозной толерантности, которая, включая терпимость, содержится в ФЗ «О свободе совести», РПЦ МП признает лишь терпимость и отказывается от взаимного понимания и уважения в вопросах веры.

В излагаемом контексте нельзя оставить без внимания тот факт, что ресурсы ряда вероучений, четко различая понятия религиозной толерантности и религиозной терпимости, приоритетное значение отдают именно религиозной толерантности. Так, на одном из известных русскоязычных суннитских электронных ресурсов, в частности, указывается, что Ибн Фарис (араб. *ن ب دم ح أ ن ي س ح ل ا و ب أ*) «в Нормативном словаре языка указывал, что слово *самааха* (толерантность) обозначает гибкость, легкость, великодушие, терпимость, снисходительство» [2]. Хотя ресурсы и данного вероучения не в полной мере свободны от отождествления терпимости и толерантности [7]. В свою очередь, буддизм, транслируя своим последователям — с точки зрения системного толкования его установлений — отказ от примата религиозности как, говоря условно, вторичной по отношению к общегуманитарным социальным ценностям знаковой системы [8, с. 44], на протяжении длительного исторического периода демонстрирует высокий уровень толерантности к иноверию в объективном смысле и воспроизводство религиозной толерантности своих последователей в субъективном смысле [8, с. 45].

Возвращаясь к легальной формуле религиозной толерантности, укажем, что включение в текст ФЗ «О свободе совести» термина «терпимость» в приведенном выше контексте, по нашему мнению, содержит признаки нарушения Конституции. Для обоснования выдвинутого тезиса необходимо сделать еще несколько замечаний.

Толерантность — характеристика мироотношенческой сферы человека, находящегося в состоянии психологического комфорта по отношению к представителям иных выделяемых по самым различным признакам групп. Она в целом исключает неприязнь этого лица к представителям иной группы по мотиву их членства в данной группе, и, как следствие, у толерантного лица исключена агрессия, основанная на такой мотивации. Терпимость же не исключает неприязни лица к представителям иной группы по мотиву их членства в таковой. При этом лицо, претерпевающее определенный дискомфорт, нередко считает недопустимой лишь открытую агрессию [4, с. 99-100]. Кроме того, как мы уже указывали, в субъективном (психическом) отношении субъекта по отношению к одному и тому же объекту терпимость и уважение несочетаемы.

На упомянутом нами выше сайте организации канонического православия указывается, что «терпимость предполагает... терпение по отношению к тому, кто еще не в силах измениться к лучшему» [13]. Иными словами, прямо предполагается, что имеется некто «лучший», терпимо относящийся к тому, кто еще не в силах измениться, чтобы подняться до уровня «лучшего».

Учитывая охарактеризованную выше объективную предопределенность признания верующим лицом адекватности (правильности, корректности и т. п.) только «своего» символа веры и неадекватности всех остальных, терпимость по отношению к иноверующим в вопросах веры без какого-либо логического «передергивания» трансформируется в формулу: «терпимость предполагает... терпение по отношению к тому, кто еще не в силах осознать адекватность „своего“ и ущербность „своего“ символов веры».

Поэтому представляется достаточно очевидным тезис о том, что включение в преамбулу ФЗ «О свободе совести» конструкции «...считая важным содействовать достижению... терпимости... в вопросах... свободы вероисповедания» объективно ориентирует верующее лицо, а также религиозные общности на их религиозное превосходство по отношению к иноверующим лицу или общности, и с этих позиций — на проявление терпения в отношении религиозных субъектов, которые якобы заблуждаются в определении адекватного символа веры. Принимая во внимание круг адресатов, положение о терпимости в вопросах свободы вероисповедания ФЗ «О свободе совести» само по себе объективно ориентирует на религиозное превосходство по отношению к иноверующим все религиозные общности и их представителей.

Такое ориентирование, по нашему мнению, вступает в противоречие с п. 2 ст. 29 Конституции РФ, согласно которому, в частности, запрещается пропаганда религиозного превосходства.

Особенность пропаганды превосходства здесь состоит в том, что каждому представителю каждого вероучения объективно адресуется тезис о благе «ве-

ротерпимости», базирующейся, как было показано выше, на осознании «терпящим» своего превосходства над теми, кого он вынужден терпеть в силу той или иной необходимости. То есть пропаганда превосходства состоит не в том, что государство направляет в религиозную среду информацию о превосходстве одного религиозного подхода и его сторонников над другими, а в том, что, обозначая в качестве блага терпимость в вопросах веры, законодатель предлагает каждому верующему считать свою веру превосходящей другие, а к другим относиться терпимо, как к представителям неадекватных религиозных подходов. По нашему мнению, такое законодательное ориентирование граждан является не чем иным как пропагандой повышенной ценности религиозного превосходства, что, как представляется, можно рассматривать в качестве частного случая пропаганды именно религиозного превосходства. Кроме того, следует заметить, что в ходе проведенных бесед пять из чуть более пятидесяти опрошенных нами священнослужителей (по одному представителю суннизма, монофизитства и старообрядческого согласия РПЦЗ, два представителя канонического православия) не исключили намеренного стимулирования государством религиозных институтов к выстраиванию отношений с иноверующими на началах признания каждым собственного превосходства над последователями других религиозных подходов. Между тем исследований того, насколько распространена подобная мысль, мы не проводили.

Следует еще раз заметить, что, хотя и размещены в тексте ФЗ «О свободе совести» рядом, понятия «взаимное понимание» и «уважение» с терпимостью логико-психологически не сопрягаются. Видимо, в силу именно этого, позитивный для построения цивилизованного религиозного пространства потенциал взаимного понимания и уважения востребуется сегодня, в частности, каноническим православием, гораздо в меньшей степени, чем терпимость.

Нельзя обойти стороной и вопрос о том, можно ли рассматривать в качестве запрещенной Конституцией пропаганды не какой-либо абстрактный текст, а текст закона. Мы исходим из того, что каких-либо оговорок, дающих закону своего рода индульгенцию от таких нарушений, не существует. Поскольку Федеральный закон может противоречить Конституции по самым различным основаниям, нельзя исключить и того, что подобное противоречие касается запрета на пропаганду, в частности, религиозного превосходства.

Исходя из сказанного, наш вывод о том, что преамбула ФЗ «О свободе совести», в части включенности в нее термина «терпимость», нарушает Конституционный запрет на пропаганду религиозного превосходства, представляется обоснованным.

Также следует заметить, что согласно п. 2 ст. 29 Конституции РФ, «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие... религиозную ненависть и вражду». Между тем для ответа на вопрос о том, нарушается ли данное конституционное положение фактом включения в преамбулу ФЗ «О свободе совести» термина «терпимость», необходимы дополнительные исследования. При этом полагаем, что об отдельных признаках такого нарушения, по крайней мере в порядке гипотезы, вести речь можно.

Между тем, во всяком случае, включенность термина «терпимость» в анализируемое законоположение представляется некорректной, в силу чего действующая редакция законоположения требует изменения. Говоря о последнем, интересны, на наш взгляд, два промежуточных подхода. Первый из них — «технический» — связан с редакционным изменением текста законоположения, в результате которого из него исключается термин «терпимость». Вторым подходом является «концептуальным» и представляет собой приведение текста законоположения в соответствие с общеизвестной формулировкой, содержащейся в Декларации принципов толерантности [3].

В каждой из двух приведенных ниже таблиц соотносятся действующая редакция фрагмента преамбулы ФЗ «О свободе совести», включающего логическую конструкцию «терпимость в вопросах свободы вероисповедания», и предлагаемая редакция ее изменений. В таблицах опосредованы «технический» и «концептуальный» подходы.

В таблице 1 реализован «технический» подход. Из текста преамбулы ФЗ «О свободе совести» исключен термин «терпимость».

В таблице 2 реализован «концептуальный» подход к изменению текста закона. Редакция текста фрагмента преамбулы ФЗ «О свободе совести» приведена в соответствие с формулировкой, содержащейся в Декларации принципов толерантности.

Возникает вопрос о том, какой из подходов предпочтительней.

С точки зрения формального приведения текста преамбулы ФЗ «О свободе совести» в соответствие с Конституцией РФ, достаточным представляется «технический» подход. Между тем он, по нашему мнению, проигрывает по сравнению не только с «концептуальным» подходом, но и с действующей редакцией актуального фрагмента преамбулы.

Так, редакция закона после реализации «технического» подхода оставляет без внимания целый ряд позитивных элементов «религиозно-миротворческого»

Таблица 1

«Технический» подход к изменению текста закона

Действующая редакция фрагмента преамбулы	Предлагаемая редакция № 1 фрагмента преамбулы
...считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания...	...считая важным содействовать достижению взаимного понимания и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания...

Примечание: как видно из таблицы 1, из действующей редакции фрагмента преамбулы авторы предлагают исключить один термин.

Table 1

Technical approach to changing the text of the law

Note: as can be seen from Table 1, the authors propose to exclude one term from the current edition of the preamble fragment.

свойства, включаемых в предложенную нами формулу религиозной толерантности, а именно таких как многообразие религиозных подходов, принятие данного многообразия, правильность его понимания и т. п. Указанные элементы представляют значительный позитивный потенциал с точки зрения характеристики государством свойств религиозного пространства. Поэтому отказываться от них представляется неконструктивным.

Однако гораздо более важными в контексте исключения терпимости из текста преамбулы при реализации обоих подходов представляются следующие моменты. Более чем двадцатилетний срок действия в России анализируемого фрагмента преамбулы ФЗ «О свободе совести» способствовал, в частности, ориентированности многих верующих на религиозную терпимость как на транслированную государством ценность. Реализация как упрощенного «технического» подхода (исключение из текста только термина «терпимость»), так и концептуального (который также обходится без «терпимости»), неизбежно затронула бы чувства тех верующих, для которых сегодня терпимость является главным или одним из важных факторов собственного межрелигиозного самосознания, в том числе и в плане недопущения агрессивного поведения по отношению к иноверующим. Причем, как представляется, «технический» подход — ввиду явно выраженного отказа от терпимости — затронул бы религиозные чувства даже в большей степени, чем «концептуальный». В связи с этим, очевидно, что немедленное исключение из закона конструкции о терпимости в вопросах свободы вероисповедания вряд ли допустимо.

Учитывая сказанное, уместным представляется «компромиссный» подход, при котором «терпимость» из текста фрагмента преамбулы не исключается, однако верующие и их объединения ориентируются на ценности религиозной толерантности как на стратегические. Данный подход, по нашему мнению, исключает пропаганду ценности религиозного превосходства, чем преодолевает-

Таблица 2

«Концептуальный» подход к изменению текста закона

Table 2

Conceptual approach to changing the text of the law

Действующая редакция фрагмента преамбулы	Предлагаемая редакция № 2 фрагмента преамбулы
...считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания...	...считая важным содействовать принятию и правильному пониманию многообразия религиозных подходов, а также достижению уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания...

Примечание: предлагаемая авторами в таблице 2 редакция фрагмента преамбулы соответствует формулировке, содержащейся в Декларации принципов толерантности.

Note: the proposed preamble fragment in table 2 corresponds to the formulation contained in the Declaration of Principles on Tolerance.

Таблица 3

**«Компромиссный» подход
к изменению текста закона**

Table 3

**Compromise approach to changing
the text of the law**

Действующая редакция фрагмента преамбулы	Предлагаемая редакция № 3 фрагмента преамбулы
...считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания...	...считая важным поддерживать терпимость и всемерно содействовать переходу к принятию, правильному пониманию многообразия подходов и достижению взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания...

Примечание: предлагаемая редакция фрагмента преамбулы устанавливает принципы религиозной толерантности в качестве стратегической цели правового регулирования.

Note: the proposed edition of the preamble fragment establishes the principles of religious tolerance as a strategic goal of legal regulation.

ся несоответствие ФЗ «О свободе совести» Конституции РФ. Соответствующая предлагаемая редакция фрагмента преамбулы приводится в сопоставлении с действующей редакцией в таблице 3.

Предложенный «компромиссный» подход позволяет, по нашему мнению, преодолеть существующее противоречие между ФЗ «О свободе совести» и Конституцией РФ, но при этом устанавливает, что «терпимость» в вопросах веры является лишь временно-промежуточным состоянием в стратегии построения в России толерантного религиозного пространства.

Заключение

Предусмотренный п. 2 ст. 29 Конституции РФ запрет на пропаганду превосходства по какому-либо из элементов знаковой системы «второго порядка» (расовая, религиозная и т. п. принадлежность) является одной из важных конституционных гарантий реализации в стране ключевого конституционного законоположения о ценностном примате человека, его прав и свобод, предусмотренного ст. 2 Конституции РФ. В связи с этим даже мысль о том, что действовавшее более 20 лет положение ФЗ «О свободе совести» нарушает Конституционный запрет на пропаганду религиозного превосходства, представляется сегодня, мягко говоря, абсурдной.

Между тем соответствующее обстоятельство имеет место. Выявлено оно было в ходе постановки и исследования проблемы общесоциального криминологического обеспечения религиозной толерантности, то есть, в известной степени, случайно, когда с очевидностью проявилось противопоставление представителями отдельных вероучений толерантности и терпимости с выбором в пользу последней, причем нередко со ссылкой на ФЗ «О свободе совести».

Более глубокий анализ текста позволил прийти к выводу о том, что формулировка преамбулы закона, считающего важным «содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания», ориентирует всех своих адресатов на повышенную ценность религиозного превосходства с вынужденно-терпимым отношением к иноверующим. Мы сочли такое ориентирование пропагандой собственно религиозного превосходства. При этом учитывали объективные свойства религиозности, вытекающие из признания верующими адекватности лишь «своего» вероучения, сложности логико-психологической сочетаемости уважения и терпимости и т. п.

Исходя из этого, посчитали недопустимым ориентирование законом своих адресатов на терпимость в вопросах свободы вероисповедания, целесообразным их ориентирование на ценности религиозной толерантности и, одновременно, пагубным немедленное исключение из текста закона термина «терпимость», поскольку подобное исключение затронуло бы религиозные чувства определенной части верующих. Три указанных фактора были положены нами в основу предложения по изменению закона. По нашему мнению, корректной будет формулировка закона, считающего «...важным поддерживать терпимость и всемерно содействовать переходу к принятию, правильному пониманию многообразия подходов и достижению взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскин Ю. Л. История международного права / Ю. Л. Баскин, Д. И. Фельдман. М.: Международные отношения, 1990. 205 с.
2. Веротерпимость и толерантность в исламе // Ислам в Евразии. 19.10.2017. URL: <http://islamvevrazii.ru/statya/veroterpimost-i-tolerantnost-v-islame/> (дата обращения: 11.01.2019).
3. Декларация принципов толерантности // Век толерантности. 2001. № 1-2. URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php?PrPage=VT>
4. Золотухин В. М. Терпимость и толерантность: сходство и различие / В. М. Золотухин // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2003. № 2. С. 94-100.
5. Карпушкин А. В. Конституционно-правовые аспекты религиозной толерантности во взаимоотношениях государства с религиозными объединениями / А. В. Карпушкин // Общественные науки. Политика и право. 2008. № 4. С. 91-95.
6. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
7. Культура толерантности в исламе. Ислам и свобода вероисповедания // Исламский информационный портал «islam.ru». 22.07.2016. URL: <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43540> (дата обращения: 11.01.2019).
8. Нестеркин С. П. Семиотические аспекты религиозной толерантности (на материале буддизма Махаяны) / С. П. Нестеркин // Гуманитарный вектор. 2008. № 3. С. 42-45.

9. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/> (дата обращения: 11.01.2019).
10. Представители Русской Православной Церкви приняли участие в заседании Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ // Официальный сайт Московского Патриархата . 12.05.2016.
URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4466733.html> (дата обращения: 11.01.2019).
11. Религиозная толерантность // Портал «Center-YF».
URL: <http://center-yf.ru/data/stat/religioznaya-tolerantnost.php> (дата обращения: 11.01.2019).
12. Стернин И. А. Толерантность и терпимость / И. А. Стернин // Персональный сайт Иосифа Абрамовича Стернина. 18.10.2014.
URL: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/188-tolerantnost-i-terpimost> (дата обращения: 11.01.2019).
13. Терпимость и толерантность // Официальный сайт Никольского храма п. Добринка Липецкой области Липецкой епархии РПЦ МП.
URL: http://pravera.ru/index/terpimost_i_tolerantnost_otlichie_raznykh_ponjatij/0-2672 (дата обращения: 11.01.2019).
14. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»: в ред. от 05 февраля 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.

Dmitry A. KIRILLOV¹
Ekaterina G. SECHENOVA²

UDC 342.7

**ON THE MISMATCH IN THE REGULATION
OF RELIGIOUS TOLERANCE BY THE RUSSIAN CONSTITUTION
AND NATIONAL LEGISLATION ON FREEDOM OF CONSCIENCE***

¹ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Civil Law and Process,
University of Tyumen
kdakda@yandex.ru

² Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of English Philology and Translation,
University of Tyumen
e.g.sechenova@utmn.ru

Abstract

Until recently, there has been no academic research of mismatch in the regulation of religious tolerance by the provisions of the Russian Constitution and the national legislation on freedom of conscience. The problem is that the legislative description of religious landscape, including mutual understanding, tolerance and respect in matters of religious freedom, is contrary to the Constitutional ban on propaganda of religious superiority. It also causes a number of undesirable phenomena in the religious sphere.

Since 2013, this research has been covering a wide range of social and legal issues of the religious landscape. The research methodology is typical for dialectical methodology, supplemented by elements of critical rationalism, modern versions of neo-positivism, existentialism, and other methodological approaches. In the course of the study, the authors

* Orthodox priest Mikhail T. Kurochkin (1952-2015) provided religious advice on canonical and old faith Orthodoxy for the research.

Citation: Kirillov D. A., Sechenova E. G. 2019. "On the mismatch in the regulation of religious tolerance by the Russian Constitution and national legislation on freedom of conscience". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 1, pp. 74-91. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-1-74-91

conducted conditionally representative surveys, sufficient to formulate valid conclusions on the subject of the article. About nine hundred people from twelve regions of Russia and from five foreign countries took part in the survey. Among them there were more than fifty clergymen; about seven hundred respondents who have identified themselves as representatives of various religions, denominations and sects; and more than two hundred religious agnostics and atheists.

This article aims to amend the legislation on freedom of conscience, explaining its necessity and providing a draft. The relevance of this objective relates to the accumulation of social ideas on the rejection of tolerance, religious isolationism, the contradictions between the world centers of a number of religions and denominations.

The results reveal the mechanism of latent legislative obstruction of religious tolerance, highlight the inferiority of its identification with patience, and state the absence of religious tolerance in Russia. The authors describe three approaches to amending the legislation: “technical”, “conceptual”, and “compromise” — and give grounds for choosing one of the three proposed revisions of the problematic fragment of the legislation on the freedom of conscience.

Keywords

Russian Constitution, legislation on freedom of conscience, propaganda of religious superiority, religious tolerance, interfaith relations, men of a different faith, religious landscape, changes to the enacting clause.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-1-74-91

REFERENCES

1. Baskin Yu. L., Feldman D. I. 1990. History of International Law. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. [In Russian]
2. Islam v Evrazii. “Faith patience and tolerance in Islam”. Accessed on 11 January 2019. <http://islamvevrazii.ru/statya/veroterpimost-i-tolerantnost-v-islame/> [In Russian]
3. Tolerantnost. 2001. “Declaration of principles of tolerance”. Vek toleratnosti, no 1-2. <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php?PrPage=VT> [In Russian]
4. Zolotukhin V. M. 2003. “Patience and tolerance: similarities and differences”. Vestnik of Kuzbass State Technical University, no 2, pp. 94-100. [In Russian]
5. Karpushkin A. V. 2008. “Constitutional and legal aspects of religious tolerance in relations between the state and religious associations”. Obshchestvennyye nauki. Politika i pravo, no 4, pp. 91-95. [In Russian]
6. The Constitution of the Russian Federation. Legislative Acts of the Russian Federation, 2014, 4 August, no 31, art. 4398. [In Russian]
7. Islam.ru. “Culture of tolerance in Islam. Islam and freedom of religion”. Accessed on 11 January 2019. <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43540> [In Russian]
8. Nesterkin S. P. 2008. “Semiotic aspects of religious tolerance (according to Buddhism of Makhayana)”. Gumanitarniy vektor, no 3, pp. 42-45. [In Russian]

9. The official website of the Moscow Patriarchate. Accessed on 11 January 2019. <http://www.patriarchia.ru/> [In Russian]
10. The official website of the Moscow Patriarchate. “Representatives of the Russian Orthodox Church took part in the meeting of the Council for Cooperation with Religious Associations under the President of the Russian Federation”. 2016, 5 December. Accessed on 11 January 2019. <http://www.patriarchia.ru/db/text/4466733.html> [In Russian]
11. Tsentr upravleniya finansami. “Religious tolerance”. Accessed on 11 January 2019. <http://center-yf.ru/data/stat/religioznaya-tolerantnost.php> [In Russian]
12. Sternin I. A. “Tolerance and Patience”. Personalniy sayt Iosifa Abramovicha Sternina. Accessed on 11 January 2019. <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/188-tolerantnost-i-terpimost> [In Russian]
13. Nikolskiy khram poselka Dobrinka. “Patience and tolerance”. Accessed on 11 January 2019. http://pravera.ru/index/terpimost_i_tolerantnost_otlichie_raznykh_ponjatij/0-2672 [In Russian]
14. RF Federal Law of 26 September 1997 No 125-FZ (as of 5 February 2018) “On the freedom of conscience and religious associations”. Legislative Acts of the Russian Federation, 29 September, no 39, art. 4465. [In Russian]